

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Эпоха Петра Великого в русской художественной литературе.....	9
Глава 2. Эпоха дворцовых переворотов в русской художественной литературе	38
Глава 3. Эпоха Екатерины II в русской художественной литературе	55
Глава 4. Эпоха правления Павла I в русской художественной литературе	76
Глава 5. Время Александра I в русской художественно-исторической литературе	88
Глава 6. Время Николая I в русской художественно-исторической литературе	137

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важных задач вузовского образования, особенно в гуманитарной сфере, является установление межпредметных и междисциплинарных связей, причем особенно это касается связей между историей и художественной литературой. Очевидно, что литература является, по словам российского филолога В.А. Гиленсона, «союзником историка в интерпретации событий» прошлого. Отражение в литературе, особенно в исторической романистике, реальных исторических событий выглядит своеобразно. По его словам, «соотношение в них точного, абсолютно достоверного с необходимым вымыслом, фантазией (когда, например, в уста исторических героев вкладывается живая прямая речь)», требует специального внимания историка-специалиста. При этом «писатель, наделенный интуицией и психологическим чутьем, может, обращаясь к истории, уловить то, что не способны передать документы и архивные разыскания». Однако не всем это удастся в равной мере. Сталкиваясь с разного рода версиями тех или иных событий прошлого, читатель должен ориентироваться в том, насколько эти версии достоверны, что требует серьезной подготовки, знания исторических источников и историографии проблем. Этих знаний, как правило, не хватает у обычного читателя, которому здесь необходима своеобразная логика в данной сфере книжного мира, особенно в связи с развитием сети Интернет и всякого рода публикационной деятельности в ряде средств массовой информации. Заметим, что существующая литература по данной проблематике носит по преимуществу филологический характер, рассматривая языковые и литературоведческие проблемы произведений этого жанра. Нас же интересует именно историческая достоверность того или иного художественно-исторического произведения, изображение в нем наиболее важных событий определенной эпохи, их интерпретация и социально-политические идеи, воплощенные в конкретном романе или повести, стихотворении или поэме.

Что же касается учителей истории, то, наряду со знанием предмета и методики его преподавания, значительную роль в их успешной работе играет и общая эрудиция, в частности, в сфере художественной литературы. Учителя часто сами не читали многие художественные произведения, рассказывающие о крупных исторических событиях и лицах, определявших ход общественного развития, массовых народных движениях прошлого, их руководителях и менее известных деятелях, а также о жизни и быте народа в те или иные времена. А ведь знакомство с подобными произведениями могло бы помочь и им, и их ученикам. Не помешало бы это и студентам, в том числе не только историкам, чтобы лучше понимать прошлое и тенденции развития России в разные времена.

Надо знать, что читать стоит (а чему уделять внимания не надо, ведь всего не охватишь), прежде всего, в связи с достоверностью изображения той или

иной эпохи в произведениях такого рода, особенно в исторической романистике. И учителю, и студенту, и школьнику необходима в данном случае некая лодка в книжном море. При этом нужно научиться давать отпор проявлениям чуждой нам идеологии, фальсификациям различных явлений российского исторического прошлого, иногда встречающейся в произведениях данного жанра, в том числе и в новейшее время. Упомянутый выше исследователь В.А. Гиленсон в свое время высказал мнение о создании такого учебно-методического пособия. Мы не замахиваемся на создание некоего универсального пособия такого рода по художественно-исторической историографии мировой истории, а ограничиваем себя, в основном, подобной российской литературой, повествующей о российской же истории. При этом представленное ниже пособие является продолжением первого выпуска «Романа истории», который был посвящен изложению в русской, советской и современной романистике основных событий российской истории в допетровскую эпоху. В данном же издании мы продолжаем эту работу. Вторая часть нашего пособия касается исторической романистики и других литературных произведений (в частности, частично стихотворений и поэм), посвященных рассказам о времени Российской империи, начиная с периода преобразований Петра I и заканчивая эпохой так называемых Великих реформ середины XIX в.

Принципы подхода к изучению исторического материала в художественных произведениях, так или иначе интерпретировавших этот исторический период, продолжают те же тенденции, что и в первой части нашего учебного пособия. Можно при этом заметить, что жанр исторической художественной литературы предполагает, вообще говоря, особенно применительно к историческому роману рассказ о прошедшем и уже завершем времени, потому что в противном случае больше уже напоминает историческую публицистику. Подобные же явления имели место и раньше, поэтому здесь имеет место некоторая условность, особенно, например, в отношении поэзии, часто схватывающей реалии своего века и предшествующих десятилетий. Она, в частности, отнюдь не всегда рассматривает прошедшие времена отстраненно, хотя, вообще говоря, это последнее все равно не получится, ибо как писал В.И. Ленин, «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Наиболее значимые для современников (с нашей точки зрения) произведения в прозе и поэзии подаются в библиографии к соответствующему разделу. В историческом прошлом особое внимание нами уделено изображению в художественной литературе важнейших событий, например, известных сражений в войнах России, обращено внимание на крупнейшие явления во внутренней политике того или иного монарха и общие оценки их деятельности в литературе, дается наша характеристика интерпретации взглядов главных правительственных и общественных деятелей,

народных и общественных движений и некоторых других явлений в культурной и бытовой сфере России того или иного периода.

Нельзя не сказать и о произведениях, в той или иной степени отражавших исторический путь и самую ментальность народов России, и прежде всего русского народа. Сюда можно (в несколько ироническом плане) отнести и «Историю государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А.К. Толстого, «Историю одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Забытую деревню» Н.А. Некрасова, «Русский бог» П.А. Вяземского. С другой стороны, назовем патриотическое стихотворение А.К. Толстого «Змей Тугарин» или его же знаменитое восьмистишие о русском характере:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

Сразу же вспоминается и не менее знаменитое стихотворение Ф.И. Тютчева, как всегда у него, с неким подтекстом:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

Научная литература по теме

1. Андреев Ю.А. Русский советский исторический роман. 20-е – 30-е годы / Ю.А. Андреев. – М.; Л., 1962.
2. Ахиезер А.. История России: конец или новое начало? / А.С. Ахиезер, И.Н. Клямкин, И.С. Яковенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2008.
3. Володихин Д. История России в мелкий горошек / Д. Володихин, О. Елисеева, Д. Олейников. – М., 1998.
4. Гиленсон Б.А. О совершенствовании вузовского образования / Б.А. Гиленсон // Новая и новейшая история. – 2012. – № 1. – С. 225-230.
5. Долгих А.Н. Материалы для самостоятельной работы по курсу «Русская история в художественных образах» для студентов педагогического университета: учебное пособие / А.Н. Долгих. – Липецк, 21008.

6. Долгих А.Н. «Но мысль ужасная здесь душу омрачает...»; Проблема крепостного права в произведениях русских писателей XVIII – первой половины XIX вв. Историографические очерки / А.Н. Долгих. – Липецк, 2024.
7. Долгих А.Н. Роман истории: русская художественная литература о российской истории: учебное пособие. – Вып. 1. Допетровская эпоха / А.Н. Долгих. – Липецк, 2020.
8. Долгих А.Н. Российская цивилизация: Запад или Восток? К продолжению дискуссии / А.Н. Долгих // Восток-Запад: история и современность: ежегодник / отв. ред. Д.В. Кузнецов. – Благовещенск, 2023. – Вып. 3. – С. 125-129.
9. Долгих А.Н. Спецкурс по историческому роману в педагогическом вузе / А.Н. Долгих // Проблемы формирования исторического сознания студентов педагогических вузов и учащихся школ: тезисы докладов и сообщений. – М., 1990. – С. 183-186.
10. Дубин Б.В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа / Б.В. Дубин. – М., 2003.
11. История русской литературы: в 4 т. – Л., 1980–1981.
12. История русского советского романа. – М.- Л., 1965. – Т. 1-2.
13. Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия. – М., 2005.
14. Пауткин А.И. Советский исторический роман / А.И. Пауткин. – М., 1970.
15. Петров С.М. Исторический роман в русской литературе / С.М. Петров. – М., 1961.
16. Петров С.М. Русский исторический роман XIX века / С.М. Петров. – М., 1984.
17. Петров С.М. Русский советский исторический роман / С.М. Петров. – М., 1980.
18. Русские писатели. Библиографический словарь: в 2 ч. / Редкол. Б.Ф. Егоров и др.; под ред. П.А. Николаева. – М., 1990.
19. Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы / Л.В. Черепнин. – М., 1968.

Художественно-историческая литература

1. Вайль П. Родная речь. Уроки изящной словесности / П. Вайль, А. Генис; предисл А. Синявского. – М., 2011.
2. Вяземский П.А. Русский бог / П.А. Вяземский // Его же. Сочинения: в 2 т. / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. М.И. Гиллельсона. – М., 1982. – Т. 1. – С. 182-183.
3. Д'Ор, О.Л. Русская история / О.Л. Д'Ор // Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». – Л., 1990. – С. 221-338.
4. Волошин М.А. Россия / М.А. Волошин // Его же. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья А.В. Лаврова; сост., подгот. текста В.П. Купченко и А.В. Лаврова; примеч. В.П. Купченко. – СПб., 1995. – С. 294-304.
5. Вольная русская поэзия XVIII–XIX веков: сборник стихотворений. – М., 1975.
6. Муза пламенной сатиры. Русская стихотворная сатира от Кантемира до Пушкина. – М., 1988.
7. Муза пламенной сатиры. Русская стихотворная сатира 1830–1870-х годов / Сост., автор вступ. ст. Л.Ф. Ершов; примеч. А.Л. Ершова. – М., 1988.
8. Некрасов Н.А. Забытая деревня / Н.А. Некрасов // Его же. Полное собрание стихотворений: в 3 т. / Под общ. ред. К.И. Чуковского. – Л., 1967. – Т. 1. – С. 204-205.
9. Русская историческая повесть первой половины XIX века / сост. В.Т. Башкирова; вступ. ст. Н.Е. Носова; коммент. Н.Е. Носова, С.Н. Носова. – М., 1986.
10. Русская историческая поэма конца XVIII – начала XX века / Вступ. ст., сост. и примеч. Ю.А. Беляева. – М., 1984.
11. Русские поэты XIX века. Хрестоматия / Сост. Н.М. Гайденков. – М., 1958.
12. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М., 1995.
13. Советская историческая поэма / Сост. и автор вступ. статьи Ю.А. Беляев. – М., 1987.

14. Толстой А.К. Коль любить, так без рассудку...; Змей Тугарин; История государства Российского от Гостомысла до Тимашева / А.К. Толстой // Его же. Сочинения: в 2 т. – М., 1981.– Т. 1. – С. 54, 145-151, 251-266.
15. Тютчев Ф.И. Умом Россию не понять... / Ф.И. Тютчев // Его же. Полное собрание стихотворений / вступ. статья В.Я. Бухштаба, подгот. текста и примеч. К.В. Пигарева. – Л., 1957. С. 230.

ГЛАВА 1

Эпоха Петра Великого в русской художественной литературе

«Столетие безумно и мудро», как назвал XVIII век А.Н. Радищев, открывается эпохой Петра Великого, захватывающей первую четверть столетия. Этот период не зря называют «петровским», он всегда интересовал русского человека. При этом в большинстве своем у людей нашей страны обязательно есть некое представление об этом времени, во всяком случае, о могучей личности преобразователя, о том, нужны ли нам были заимствования того или иного рода у других народов и стран, насколько они нужны, полезны или вредны (и в прошлом, и в настоящем). Именно эти вопросы, а также внешнеполитические успехи и проблема цены реформ для народа являются здесь центральными.

Эпоху Петра изучают давно. При этом главным положением, доминирующим в общественном сознании, является гордость за монарха («кто придал мощно бег державный рулю родного корабля»), разгромившего шведов, создавшего мощную армию и флот, добившегося выхода на Балтийское море с возвращением «исконно-русских земель», способствовавшего бурному развитию промышленности и огромным изменениям в быту (в особенности правящего сословия), а те издержки, которые имела эта консервативная по преимуществу реформа, сохранившая крепостническую систему, по крайней мере, на 1,5 века, а самодержавие – на два, остаются, в целом, за кадром. Общеизвестным является убеждение, что иначе нельзя было, что иначе нас бы завоевали и не дали бы стать великой державой, что без него мы бы добирались до петровского уровня 7 поколений (как вычислял еще М.М. Щербатов), восхищение его личной скромностью в быту (что для многих это важнее, чем колоссальные издержки преобразований Петра для страны), многогранной деятельностью – умиление в отношении «царя-плотника» вне зависимости от того, что многие дела были в запустении именно по этой причине («то мореплаватель, то плотник... на троне вечный был работник» (А.С. Пушкин и др.)), удивление – «не бог ли к нам сходил с небес» (М.В. Ломоносов), «Петр сочинил из России прямую метаморфозис» (П.П. Шафиров). Заметим, что в историографии всегда существовали в оценке Петра и его реформы противоположные течения. Так, в начале XIX в. Н.М. Карамзин писал о том, что «мы стали гражданами мира, но перестали быть в некотором отношении гражданами России. Виною – Петр». Славянофилы в середине столетия также критиковали Петра за разрыв с русской исторической традицией. С другой стороны, С.М. Соловьев отмечал в панегирике Петру: «Народ собрался в дорогу. Ждали вождя. Вождь явился». На рубеже XIX–XX вв. в трудах В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова вновь сквозил определенный скепсис в отношении эффективности реформ, но особенно в

отношении их цены для страны. «Ценой разорения Россия была возведена в ранг европейской державы», – писал Милуков.

В советское время первоначально Петра, как и других царей, критиковали, но в дальнейшем во многом под влиянием И.В. Сталина вектор оценок сменился на противоположный. В своем восхищении Петром историография советского времени доходила даже до фальсификации работ классиков марксизма, в частности, самого К. Маркса. Критиковать Петра до сих пор означает высказывать антипатриотические мысли. Заметим, что это начало перевешивало даже классовые приоритеты. Так, очевидно, что для советского времени ленинские положения о «варварских методах борьбы против варварства» понимались именно как методы прогрессивные, несмотря на их крайности, например, на введение крепостного права в промышленность, а сталинские положения о борьбе против отсталости явно нацеливали историографию на прославление Петра в духе романа А.Н. Толстого «Петр Первый» и фильма с тем же названием. Лишь немногие историки критично относились к петровским реформам, отмечая их, в конечном счете, консервативный характер, например, Е.В. Анисимов. Но не их влияние доминирует в массовом сознании, создавая значительные трудности для серьезного изучения политики Петра.

Говоря о преобразованиях в России в ту эпоху, обратим внимание на то, что они коснулись множества сфер – укрепления самодержавия (и сохранения его еще на два столетия), административного устройства и системы чиновничества (создание Сената, Синода, коллегий, губерний, ликвидация остатков местничества и создание Табели о рангах и др.), экономики (создание двух сотен мануфактур, при этом значительная часть которых работала при использовании принудительного труда), армии и флота, менее всего они коснулись социальных отношений, сохранив и даже усилив угнетение низов общества. Реформы, бесспорно, способствовали торжеству «новой культуры», просвещения, образования, книгопечатания, колоссальным изменениям в быту (особенно правящего сословия – дворянства), которые, по нашему мнению, как раз достойны всяческого одобрения (как писал А.А. Вознесенский, «при всем уважении к коромыслам, хочу, чтобы в каждой дыре завалюющей был водопровод и движение мысли»).

Необходимо отметить и успехи России во внешней политике в данный период (которые только не следует преувеличивать: как указывал один мыслитель XX в., эмигрант И.Л. Солоневич, Петр воевал со Швецией, ресурсы которой примерно в 10 раз были меньше, чем у России, 21 год), возвращение России выхода на Балтийское море, способствовавшее экономическому ее развитию. В то же время нельзя не сказать, что стране не удалось решить проблему южных земель, а поражение (фактически – авантюра, закончившаяся катастрофой и потерей приобретений Азовских походов) в Прутском походе отдала решение

этой проблемы еще на полвека. С другой стороны, до сих пор не принято говорить об империализме Петра (стремление к захватам чужих земель (Персидский поход, экспедиция Бековича-Черкасского в Хиву), которые можно еще как-то объяснить геополитическими интересами России (например, стремление сделать Каспийское море внутренним морем), но никак не стремлением вернуть «исконно-русские земли» (Дагестан, Хиву и др.).

Наконец, все его преобразования проводились чрезвычайно жесткими и даже жестокими методами, приводя к усилению сопротивления во всех слоях русского общества, в том числе и в его низах (Булавинское движение, Астраханское восстание), но об этом сегодня предпочитают не вспоминать, ставя памятники Петру направо и налево (заметим, что здесь совпадают господствующие мнения и у власть имущих, и у массы российского народа, что редко бывает, разве что в отношении горячительных напитков). Приведем здесь цитату на сей счет из романа Н.И. Дубова «Колесо Фортуны»: «... нельзя сказать, что Петр был просто жесток или кровожаден, не любил ближнего. Петр был великим государственным мужем, а великие мужи любят ближнего издали. Только такая любовь и позволяет великим подняться над мелкими устремлениями отдельных личностей, их частными горестями и страданиями во имя прекрасного будущего для всех – для державы. Благо державы – настолько высокая цель, что в сравнении с нею благо или неблагополучие отдельных личностей не имеет никакого значения. А если, по мнению такого мужа, и сам народ еще не дорос до понимания своего истинного блага, его следует к благу тому вести, не ожидая, пока он дорастет и созреет. Даже силком. Даже поколачивая при том батогами для вящего вразумления. А когда нужно – и под конвоем... Непокорные перемрут, вырастут покорные, те поймут и оценят».

Одним из вопросов, недостаточно проясненным в существующей литературе и которым мы занимаемся профессионально, является вопрос о развитии крепостного права в данный период. Если общий вывод об усилении крепостничества в эту эпоху все же имеет место в историографии, то качественные его составляющие до сих пор выглядят неопределенно. Более того, отдельные исследователи, в частности Н.П. Ерошкин, утверждают, что петровская внутренняя политика, в том числе и социальная, носила характер «просвещенного абсолютизма». В известных «Очерках истории СССР» 1950-х гг. отмечалось, что «политика правительства Петра I в отношении крестьянства была направлена на усиление его крепостной зависимости. Это проявлялось... в увеличении контингента феодально-зависимого населения страны и усилении его феодальной эксплуатации». Авторами выделены следующие аспекты проблемы: пожалование части «дворцовых и монастырских крестьян в собственность светским феодалам», усиление власти помещика над крепостными, приписка части казенных крестьян к заводам, появление новой сословной группы посессионных крестьян

ян, слияние холопов с собственно крестьянами, увеличение налогового пресса и повинностей, бремя рекрутчины.

В «Советской исторической энциклопедии» указывалось, что «юридические различия между крестьянами и холопами были окончательно устранены при Петре I включением холопов в подушный оклад». В «Большой советской энциклопедии» утверждалось, что «законы Петра I о подушной подати и рекрутском наборе резко усилили власть помещиков над крестьянами». По словам авторов энциклопедии «Отечественная история», при Петре «окончательно определился статус частновладельческих (крепостных) крестьян в результате слияния двух форм феодального земле- и душевладения: поместья (пожизненного владения, обусловленного обязательной службой) и вотчины (безусловной наследственной собственности), а также с ликвидацией в начале 18 в. кабального холопства». (Заметим, что данное положение не вполне отражает реальную ситуацию, так как владение вотчинами тоже было обусловлено службой, к тому же и их всегда монарх мог отнять). При Петре, как указывал автор статьи, хотя и «прекратилась раздача земель с крестьянами за службу», однако «за особые заслуги» «было роздано 170 тысяч душ обоего пола». Но «самодержавие, исходя из общегосударственных интересов», принимало меры против «злоупотреблений помещичьей властью» и «допускало, при определенных условиях, возможность для крестьян возбуждать иски о воле». Здесь же отмечалось, что при Петре «было введено правило отстранять помещика от управления имением, если он разорял крестьян непосильными повинностями, и устанавливать опеку, которая поручалась ближайшим родственникам...». А с 1722 г. на помещиков была возложена ответственность за исправную уплату их крестьянами подушной подати. Обе эти энциклопедии не выделяют специально в развитии крепостного права петровскую эпоху, указывая здесь на период с середины XVII до середины XVIII вв., рассматривая как апогей его время Екатерины II. Обращение особого внимания на законы 1760-х гг., характерное для советской историографии, сдвигает, по нашему мнению, реальные акценты (с петровской на екатерининскую эпоху), так как у помещика и без этих новых прав было достаточно уже со времени Петра средств воздействия на крепостных.

По мнению Л.Н. Гумилева, исходным моментом для дальнейшего развития крепостного права стало падение к началу XVIII в. пассионарности в России, что ставило перед Петром задачи укрепления трона против внутренних врагов и необходимости борьбы против врагов извне; отсюда необходимость строительства иной армии, уже за счет народа. Расходы на нее привели к резкому росту государственных налогов, в частности подушной подати, ответственными за взимание которой сделали помещиков. При этом из указа о ней «и родилась... гнусная, омерзительная форма крепостного права...». Для нас здесь особенно важен именно рубеж петровской эпохи как времени нового

толчка к развитию крепостного права – отрицательной стороны создания «окна в Европу». По словам Н.И. Павленко, «время преобразований, с которыми связан прогресс во многих сферах жизни страны, сопровождалось ужесточением режима крепостнической эксплуатации трудового населения. Иначе и не могло быть, ибо всякий прогресс в феодальном обществе достигался... за счет жертв, приносимых крестьянами...». Историк отмечал, что «социальное значение податной реформы» как важнейшего мероприятия в развитии данного процесса в эту эпоху «состояло в том, что она стала важнейшей после Уложения 1649 г. вехой в развитии крепостного права в России», выделяя также особенно борьбу Петра с бегством крестьян («Петр ничего принципиально нового в этот процесс не внес», он всего лишь «подхватил эстафету» у прежних правителей и продолжал движение в том же направлении, но с присущим ему размахом и настойчивостью»). Меры же Петра, направленные на «бережение земледельцев», так и остались, в основном, на уровне прожектов. Соглашаясь с этой позицией, Е.В. Анисимов отмечал, в частности, что одним из результатов всех изменений в крепостном праве при Петре стало «столь заметное усиление барщинных отработок», которое приближалось «к предельной физической возможности эксплуатации человека».

Иначе на данную проблему смотрят некоторые современные историки, в частности, Б.Н. Миронов. Признавая «огромное негативное влияние» на положение помещичьих крестьян податной реформы, в результате которой «помещики в отношении крепостных стали пользоваться правами, принадлежавшими прежде господам в отношении к холопам, хотя в законе на этот счет не содержалось никаких указаний», автор видел в помещичьем управлении также и ряд попечительских моментов (ссуды, защита от притеснений должностных лиц и др.), автор указывал, что и после Петра «помещичьи крестьяне... не были столь бесправны ни юридически, ни фактически, как часто изображается в литературе», а применительно к петровской эпохе он утверждал, что в ту пору «тяготы войны и модернизации более или менее равномерно распределялись между всеми социальными классами», с чем мы не можем согласиться.

С нашей точки зрения, именно петровская эпоха стала переломной в истории крепостного права в России. Сам этот процесс можно разделить на несколько фаз. Первой из них стало прикрепление крестьян к земле (в рамках общего прикрепления к тяглу всех так называемых «сословий» в XVI–XVII вв.), завершившееся в 1649 г. в статьях Соборного уложения. Затем наступает вторая фаза – постепенное превращение крепостного права из права по земле в право «по лицу», решающим явлением которого стала податная реформа рубежа 1710-х –1720-х гг. Сложившаяся ситуация мало изменилась в течение всего XVIII в. (вне зависимости от мер правительства), наполняясь новым содержанием от постоянного повторения тех или иных явлений, возникновения особой

«привычки» к новым отношениям между помещиками и владельческими крестьянами. И лишь со времени Павла I начинается третья фаза в развитии крепостного права – процесс обратного превращения крепостного права «по лицу» в право «по земле», оборванный Крымской войной и крестьянской реформой 1861 г. Таким образом, петровская эпоха стала наиболее важным этапом оформления того нового варианта крепостничества, напоминавшего в некоторых чертах настоящее рабство, которое известно нам по русской литературе первой половине XIX в. Здесь надо назвать и смещение в податной реформе крестьян с холопами (прежде всего, кабальными), при котором первые потеряли остаток юридических и хозяйственных прав, а вторые – возможность выйти на волю после смерти господина, и резкую активизацию борьбы с бегством крепостных, и запрет выхода от владельца и в армию (по собственному желанию), и в город (к концу правления Петра), и возложение ответственности на помещика за исправление крестьянами подушной подати и др., что реально привело к постепенному устранению государства от роли арбитра в межсословных отношениях, и развитие продажи людей без земли (никак не ограниченной указом 1721 г., рекомендовавшим при таковой хотя бы не делить семейства продаваемых, причем безо всякого наказания за подобные нарушения). Стоит заметить, что данный процесс мало зависел от того, что думали при этом конкретные создатели законов на сей счет и сам монарх, а всякого рода lamentации насчет того, что Петр хотел облегчить жизнь крепостных (пусть и из чисто государственных соображений), мало что меняют. Повторим, что, с нашей точки зрения, вольно или невольно, но именно в петровскую эпоху крепостное право в России приобрело по-настоящему рабские черты.

Тема петровских преобразований интересовала многих русских писателей и поэтов, начиная с М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина, высочайшим образом оценивавших значение Петра для России («...Не бог ли к нам сходил с небес...»). Но наиболее значимым вплоть до сегодняшнего времени в этом отношении является многоликое восприятие Петра и его эпохи А.С. Пушкиным (1799–1837). Его стихотворения и поэмы – «Стансы» (1826), «Моя родословная» (1830), «Полтава» (1828–1829), «Медный всадник» (1833), наконец, незаконченный исторический роман «Арап Петра Великого» (1827) дают оценку Петру как мудрому и просвещенному преобразователю, «поднявшему Россию на дыбы». При этом в разных произведениях Пушкин, знаток данной темы, в достаточной степени по-разному оценивал Петра и его дела. Так, например, в своих материалах по истории Петра он указывал: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или, по крайней мере, для будущего, вторые

вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика». Последнему Пушкин явно не симпатизировал, показывая нам пример взвешенного отношения к личности и преобразованиям Петра (до которого многим современным интерпретаторам его деятельности очень далеко). Совсем иначе Петр и его эпоха поданы в «Полтаве», одном из наиболее выдающихся произведений поэта (вспомним: «Лик его ужасен, он весь как божия гроза...»). С нашей точки зрения, наиболее точны и взвешены оценки «царя-шкипера» в стихотворении «Моя родословная» (1830):

«Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двигнулась земля,
Кто придало мощно бег державный
Рулю родного корабля».

Обратимся к сугубо оптимистической интерпретации этой эпохи в его незавершенном романе «Арап Петра Великого» (1827). Образ петровской России последних лет его царствования противопоставлен в нем образу распадавшегося, хотя и блестящего французского государства той поры (интересно здесь пушкинское восприятие грядущего краха «старого порядка» во Франции, которая вскоре, через полстолетия, должна стать ареной революции, восприятие той эпохи человеком, знающим будущее). Иное дело – петровская Россия, какой она представилась Ибрагиму, крестнику царя, вытребованному им из Франции: «Россия представлялась Ибрагиму огромной мастерскою, где движутся одни машины, где каждый работник, подчиненный заведенному порядку, занят своим делом». Интересны галереи образов романа. Сам Ибрагим рисуется автором среди достойных и истинных соратников Петра, которые служат не только ему, но и России. Арап Ибрагим Ганнибал был эфиопом, которого продали в рабство в Византию. Его выкупил придворный Петра, который пожелал сделать некий дар монарху. В романе рассказывается о юности и учебе Ганнибала, который возвращается в Петербург после учебы в Париже. Крестник Петра Ибрагим был в звании капитана артиллерии, отличился в Испанской войне и возвратился в Париж, так как получил ранение. Автор подчеркивает, что род, к которому принадлежал Ибрагим, стал для него каким-то чужим, не имеющим с ним ничего общего. Очень точно подчеркнута любовная интрига Ганнибала. По сути дела, герой Пушкина попадает в новое светское общество. Графиня, в которую был влюблен крестник Петра, родила ему ребенка. Таким образом, новая связь иностранца и светской дамы стала известна всем. Подчеркну, что любовь была чрезвычайно страстной, но графиня относилась к этому легкомысленно. Ибрагим из-за любви стремился разорвать эту связь, оставив Париж и вернуться в Петербург. Вернувшись в Россию, Ганнибал продолжает верную службу

Петру. Петр подыскивает ему невесту. Знакомство с новой избранницей происходит на традиционном петровском балу. Барышня приглашает на танец арапа. Стоит подчеркнуть, что новая барышня была дочерью боярина Ржевского, в прошлом одного из противников Петра, в молодости, видимо, державшего сторону Софьи и стрельцов, ныне приутихшего, но остававшегося в тайной оппозиции реформам, не любящего неродовитых людей, пришедших к власти, недовольного тем, что сам не играет роли в деятельности правительства, новациями эпохи, хотя и вынужденного соглашаться с «кофием» и «политесом» своих же дочерей. Однако Петр относится с неким уважением к Ржевскому, поскольку тот из знатного боярского рода. После того, как царь узнал о намерении Ибрагима жениться на Наталье Ржевской, царь сообщил об этом ее отцу. Подчеркну, что нянюшки, узнавшие о замужестве Ржевской, были категорически против этого брака, считая, что они отдают свою подопечную в когти дьявола. Услышав разговор о своей судьбе, Наташа упала без сознания. На этом роман Пушкина прерывается. Ибрагим противопоставлен Корсакову – пустому и легкомысленному щеголю, не думающему о долге перед страной, ни о государстве. Корсаков не глуп, но на уме у него одни развлечения, один Париж. Корсаков и Ибрагим – представители двух тенденций в жизни тогдашнего дворянского общества, порожденных петровскими преобразованиями: полупросвещенных русских помещиков и настоящих просвещенных людей, из которых впоследствии вышли Н.И. Новиков, А.Н. Радищев и декабристы. Крайне интересны и ироничны бытовые зарисовки петровской ассамблеи (блестяще развитые в знаменитом советском фильме-феерии «Сказ о том, как царь Петр арапа женил» с В.С. Высоцким в главной роли – редчайший случай, когда экранизация оказалась под стать самому выдающемуся литературному произведению). Роман как бы указывал на те силы, на которые должно опираться русское правительство в николаевскую эпоху в проведении прогрессивных реформ. Несмотря на свою незавершенность, роман получил весьма высокие оценки современников. Так, В.Г. Белинский писал: «Будь этот роман кончен так же хорошо, как начат, мы имели бы превосходный русский исторический роман, изображающий нравы величайшей эпохи русской истории. Это семь глав неоконченного романа, из которых одна упредила все исторические романы гг. Загоскина и Лажечникова, неизмеримо выше и лучше всякого исторического русского романа, порознь взятого, и всех их, вместе взятых».

Другим известным романом об этом периоде русской истории стало произведение И.И. Лажечникова (1790–1869) «Последний Новик». Его автор стал одним из творцов жанра исторического романа в России, он происходил из богатой купеческой семьи. Его отца отличала тяга к просвещению, усиленная и направленная случаям, который свел молодого купца с крупнейшим деятелем русской культуры XVIII в., просветителем Н.И. Новиковым. Новикову, по реко-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru